

Моск. худ. - 1993. - 4 июня (1-2 стр.)

"ПУШКИН — НАШЕ ВСЁ"

Бог помощь вам, друзья мои,
и в бурях, и в житейском горе.

А. Пушкин.

В. Ездаков. "Пушкин".

День рождения А. С. Пушкина — это праздник, а почему-то грустно. Наверное, грустно потому, что перед мысленным взором проносится короткая, как вспышка молнии, но многотрудная жизнь поэта. И чем сложнее наша современная жизнь, тем дороже, драгоценнее, ближе и нужнее становится нам Пушкин. Он — наша совесть, наш символ.

Каким же был все-таки Пушкин? Поразительное сходство, думается, имеют многие известные портреты поэта, принадлежащие кисти как его современников, так и более поздние. Но вот как вспоминала жена Павла Войновича Нащекина — Вера Андреевна, с которой поэт находил интерес разговаривать целыми часами: "Я видела много его портретов, но с грустью должна сознаться, что ни один из них не передал и сотой доли духовной расоты его облика — особенно его удивительных глаз. Это были особые, поэтические, задушевные глаза, в которых отражалась вся бездна души и ощущений, переживаемых душой великого поэта. Других таких глаз я во всю мою долгую жизнь ни у кого не видела".

Невольно очаровываешься одними этими словами, в которых и восторженность, и таинственность. Вспоминается пушкинская строка: "Ты царь: живи один". Да, поэт ощущал себя царем в мире литературы. Он писал русскую историю и вершил свой суд над ней самой и ее героями — творцами и статистами. Он ощущал себя царем духа, взирающего на Россию с недостижимых высот, оставаясь при этом несомненно земным человеком и несравненным патриотом. Недаром в письме к Чаадаеву Пушкин признается в том, что никогда не променяет отечество, русскую историю ни на какую иную. Как бы ни складывалась жизнь.

Российские корни питали поэта, его силы, творчество, оптимизм. Некогда сделанное им утверждение: "На свете счастья нет, а есть покой и воля" — не противоречит преобладающему пушкинскому радостно-восторженному настроению. А оно было свойственно Пушкину даже тогда, когда жилось ему довольно скверно. Помогала поэту и его великая гордость: "Никому отчета не давать, себе лишь самому служить и угождать, для власти; для ливреи не гнуть ни совести, ни помыслов, ни шеи". Но, конечно, это не эгоизм. Наверно, поэт все же догадывался, что принадлежит он не столько себе самому, сколько сокровищнице мировой литературы, истории, человечеству.

Пушкин — неисчерпаемая тема. Неисчерпаем он и для меня — художника, давно и надежно влюбленного в этот образ. На моих персональных выставках, посвященных А. С. Пушкину, посетители в книгах отзывов не раз сетовали на то, что в моих работах есть родные поэту пейзажи, те места, где он бродил, думал, сочинял, но... нет самого Пушкина, а как бы, дескать, хотелось! Не скрою: и мне бы хотелось, чтобы поэт внароком вошел в ткань моих пейзажей, и эта сложная задача много лет не дает мне покоя. Я представляю Пушкина НЕОТРЫВНО связанным с российской природой. Он — ее дитя. Кстати, эта тема прекрасно, с глубоким чувством проникновения, разработана в знаменитом полотне Виктора Пошкова, с которым мне посчастливилось быть вместе в Пушкиногорье и присутствовать при рождении этой картины. Тогда чувствовалось, что дух гения витает где-то совсем близко.

Мой труд над пушкинской темой продолжается. И нет ему ни конца, ни края. Потому что, по словам Аполлона Григорьева: "Пушкин — наше все". Будем всегда помнить эти правильные слова.

Василий ЕЗДАКОВ.